

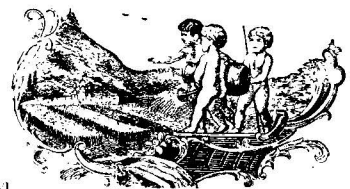
Главная Контора и редакция: С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

ЖИЗНЬ

1914 г.
№ 27.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLV г.
изданія

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Выданъ 5 июля 1914 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарелль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): перепечатка текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за июль.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Чеховъ и наша литература.

Очеркъ Т. Ганжулевичъ.

Перепечатка воспрещается.

Историки литературы да и критики, примыкающие къ нимъ, любятъ раздѣлять литературу на періоды: пушкинскій, гоголевскій... но на этомъ и останавливаются: лишь одинъ смѣлый критикъ прибавилъ: и чеховскій. Самъ Чеховъ по скромности своей не замѣчалъ, что онъ замыкаетъ собою цѣлый литературный періодъ, но чувствовать, что новый синтезъ уже пришелъ, «Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Тихоновъ, не К., не Щ., не П., не Б., а восьмидесятые годы», — говорилъ Чеховъ недавно скончавшемуся писателю В. А. Тихонову.

Несомнѣнно, что восьмидесятые годы имѣютъ свою окраску; со всей жизненной и литературной полнотой воплощаетъ ихъ Чеховъ въ своихъ произведенияхъ, и имя его тѣсно связано съ данной эпохой. Безыменнымъ остался періодъ литературы отъ Гоголя и до Чехова, несмотря на то, что блеснули здѣсь великія имена, которыя стали нашей святыней: Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой. Но И. Толстой былъ слишкомъ великъ для того, чтобы у него были ученики и послѣдователи въ настоящемъ значеніи этого слова, какъ не было ихъ ни у Шекспира ни у Гёте. Тургеневъ и Гончаровъ были слишкомъ индивидуальны, внесли то личное начало въ творчество, которое не могло создать литературной школы. Разрабатываемая единичными силами, выдвинутыми въ 60-е годы торжествомъ личнаго начала, литература съ 70-хъ годовъ вступаетъ опять въ сгущенную атмосферу общечеловѣческой. Жизненный переломъ совершился, и новыя формы жизненнаго уклада вызвали и новое теченіе въ литературѣ.

Усиленные исканія народныхъ идеаловъ въ 70-е годы смѣнились въ 80-е полосой полной безнадежности: это и являлось завершеніемъ цѣлой эпохи. Материала для творчества здѣсь было не много, и реализму въ литературѣ нашей угрожала опасность одноднотности и измѣлчанія: по самому существу своего направленія писатель-реалистъ не могъ оторваться отъ жизни, отъ ея настроеній. Чеховъ не отступилъ отъ реализма и въ то же время миновалъ опасность, вводя въ реализмъ новый элементъ, преобразовавшій старую реалистическую школу. Онъ внесъ въ изображеніе жизни тогъ быстрый темпъ, который лишилъ безнадежность ея расслабляющей силы, а художественное произведение — одноднотности. Въ сущности, здѣсь же крылась и точка жизненнаго равновѣсія, которую Чеховъ почувствовалъ своимъ творческимъ предугадываніемъ, своей художественной интуиціей. Отсюда, изъ проникновеннаго творчества въ самый жизненный нервъ, и создался импрессионизмъ въ искусствѣ, чеховская литература настроеній.

Тяжелый романъ, большая тягучая повѣсть, заполнявшіе литературу до Чехова, уступили мѣсто короткимъ рассказамъ. Если раньше для того, чтобы запечатлѣть какую-либо картину и лицо, требовалось длительное, подробное описаніе съ повтореніемъ наиболее важнаго и характернаго, то новая художественная техника кладезь вмѣсто этого одинъ лишь штрихъ на лицо и характеръ, но штрихъ, попадающій въ жизненный нервъ, — и передаетъ намъ само собою вырисовывается лицо, живое, безъ дальнѣйшихъ усилій художника: это дополняется уже воображеніемъ читателя, получающимъ творческое возбужденіе черезъ передачу настроенія. Единичное творчество такимъ образомъ, благодаря импрессионизму, все болѣе приближается къ коллективному творчеству. Скудной и утомительной кажется теперь старая описательная манера, лишающая читателя творческой работы.

«Описаніе природы, — пишетъ Чеховъ В. Б. Жиркевичу: — должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитавъ и закрывъ глаза, сразу могъ вообразить себѣ изображаемый пейзажъ». И далѣе: «Описанія природы въ рассказахъ тогда лишь умѣстны и не портятъ дѣла, когда они кстаги, когда помогаютъ намъ сообщить читателю то или другое настроеніе, какъ музыка въ мелодекламаци». Читатель призывается такимъ образомъ къ активной работѣ и, разъ почувствовавъ уже всю прелесть мукъ творчества, въ которую вводитъ его писатель-импрессионистъ, не захочетъ отказаться отъ нихъ. Это же коллективное творчество даетъ возможность и писателю сберечь свои силы, не растрачивая ихъ на тѣ детали, которыя сплошь и рядомъ ярче въ пред-

чувствіи, чѣмъ въ описательной ихъ передачѣ. Экономія творческихъ силъ усиливаетъ интенсивность изобразительности. Вотъ почему маленькіе рассказы Чехова производятъ часто болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ длительныя описанія даже большихъ мастеровъ художественнаго слова.

Литература быта подъ перомъ Чехова получила новыя формы: мелкія подробности исчезли, и вмѣсто нихъ выступили общіе контуры. Маленькія чеховскія произведенія, какъ «Мыслитель», «Горь», «Гусевъ», «Переселитъ», «Бабы» и цѣлый рядъ другихъ, несмотря на свою миниатюрность, представляютъ, какъ въ каплѣ морской, отраженіе всей жизни. Нигдѣ у Чехова, въ самыхъ маленькихъ его рассказахъ, нѣтъ оторванности отъ общей жизни. Чувствуется опредѣленное, устойчивое міросозерцаніе художника, при которомъ каждая малѣйшая частица міра связана съ цѣлымъ, каждое маленькое явленіе стоитъ въ цѣпи причинъ и слѣдствій. Такая устойчивость міросозерцанія — истинный признакъ настоящаго, подлиннаго таланта въ художникѣ: талантъ всегда долженъ охватывать міръ въ его цѣломъ. Только въ такомъ случаѣ онъ не дастъ себя поработить какой-либо частности, а себѣ подчинитъ міръ дѣйствительности, чтобы творить изъ него новыя цѣнности. Законъ творчества одинъ для всего: какъ въ творествѣ міра нѣтъ такой частицы, которая была бы внѣ связи съ цѣлымъ, такъ въ творествѣ художника не должно быть такой подробности, такого сюжета, который былъ бы внѣ связи съ міровоззрѣніемъ художника, не осмысливался бы имъ. Не связанное общей идеей творчество тускнѣетъ и блекнетъ, не оставляя послѣ себя жизненнаго слѣда. Созидательная сила творчества требуетъ опредѣленнаго міровоззрѣнія. И каждый рассказъ Чехова (не исключая его юмористическихъ рассказовъ) заключаетъ въ себѣ общую идею его творчества, носитъ въ себѣ святое-святыхъ художника.

Неудачникъ Треплевъ въ «Чайкѣ» — очень характерное явленіе въ стилизованомъ творествѣ Чехова. Его карикатурно-символистическая пьеса вызываетъ смѣхъ у зрителей, но по основѣ своей, по выраженнымъ въ ней стремленіямъ она — родная творчеству Чехова. Изображаемая въ ней міровая душа — это, въ сущности, героиня всѣхъ произведеній Чехова, съ ея мечтою о прекрасномъ, но далекомъ будущемъ. «Во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ», — говоритъ міровая душа въ пьесѣ Треплева. — Какъ плѣнникъ, брошенный въ пустой, глубокой колодезь, я не знаю, гдѣ и что меня ждетъ. Отъ меня не скрыто лишь, что въ упорной, жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной, и наступитъ царство мировой воли. Но это будетъ лишь, когда мало-по-малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и Луна, и свѣтлый Сіриусъ, и Земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ ужасъ, ужасъ... И чеховскіе герои мечтаютъ тоже о томъ, что будетъ черезъ 200—300 лѣтъ, а пока ихъ окружаютъ грязь и пошлость обывденщины, духовная пустота и нравственное измѣлчаніе.

Для Чехова важна не маленькая частица быта, не тѣ уголки, которые, разъ отвоевавъ для наблюденія, разсматриваютъ наши писатели-реалисты, а весь міръ, вся общественная атмосфера, изъ которой уже выходятъ частныя явленія. Общей идеи, общаго Бога, по которымъ томилась литература нашихъ дней, и искалъ Чеховъ вездѣ въ литературѣ и жизни, искали съ нимъ вмѣстѣ и его герои, которые, какъ и всѣ русскіе люди, любятъ толковать о Богѣ, о мірѣ и смыслѣ жизни.

Чеховъ глубоко проникнулъ въ самую суть русской общественности. Произошло это, быть-можетъ, благодаря тому, что цѣлая натура его была вся въ жизни. Чеховъ любилъ жизнь такъ, какъ только могутъ любить ее люди, заранѣе обреченные на гибель и знающіе объ этомъ. Чѣмъ короче оказывается жизненный нить, тѣмъ интенсивнѣе жажда жизни, и тѣмъ съ болѣе полнотой, быть-можетъ, воспринимается жизнь. Такъ, по крайней мѣрѣ, было съ Чеховымъ. Ему претили «маленькія дѣла» современности: за ними не замѣчали великихъ; претило измѣлчаніе

духовное, та удовлетворенность, которая, приковывая человека к „доку сь мезонинномъ“, незаметно отрывала его отъ болящей жизни и опоминывала его, а вместе съ тѣмъ лишила смысла его существованіе.

Лида въ „Домѣ сь мезонинномъ“ и ея хлопотливая, будто бы общественная, суета съ заботами о земныхъ выборахъ, о грамотности, школахъ и больничкахъ, кажется карикатурно-сентиментальной на фонѣ оторванности отъ общей жизни. „Воронѣ идѣ-то Богъ подалъ кусочекъ сыру“, — думаетъ Лида дѣвочка, чувствуя при этомъ полную духовную удовлетворенность, и это—символъ всей ея жизни: ей, какъ воронѣ, достался свой кусочекъ сыру въ видѣ служенія маленькому дѣду, и она, захвативъ его, оканчивала: затворившись въ своемъ домикѣ сь мезонинномъ, становится глуха и слѣпа по тому, что не пасается ея жалпыми дѣла. Глухаютъ чувства, атрофируется широкое жизненное пониманіе, и Лида превращается въ автоматъ, около котораго мертвеетъ все живое. Она убиваетъ радость и счастье любящихъ ее людей, убиваетъ слабо, не разсуждая и все по нмъ своего „ху-рочка сыру“. Это—подвижница безъ души, живой человекъ безъ трепета жившихъхъ пороковъ, безъ пониманія жизненной красоты и ея цѣнностей. Для жизни-горьки такіе люди, пожалуй, и нужны, но не для жизни общей, широкой и свободной: они ничего не внесутъ въ нее, потому что, оторвавшись отъ нея, потеряли чутье общей жизни, потеряли связь съ нею и сами оказались выброшенными ею.

(Обличительск. посплости въ бытѣ бытъ Гоголь; Чеховъ преслѣдовалъ пошлость въ ея дальнѣйшемъ развитіи, въ ея вычлененіи на частикъ человека. Живѣе полностью приняла уточненные формы, зарыла интеллигентныя маслы, пропала въ искусство, въ художество и заломила всю русскую жизнь, подавивъ настоящую красоту и благородство.

Художникъ въ „Домѣ сь мезонинномъ“ говоритъ: „Науки и искусства, когда они настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему, — они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу, а когда ихъ пристраиваютъ къ нуждамъ и злобамъ дня, къ аппетитамъ и близко-гечкамъ, то они только осложняютъ, загромождаютъ жизнь. У насъ много желнговъ, фармацевтовъ, юристовъ, стало много грамотныхъ, но совсѣмъ кѣтъ биологовъ, математиковъ, философовъ, поэтовъ. Люди умъ, вся душевная энергія ушли на удовлетвореніе временныхъ, переходящихъ нуждъ... У ученыхъ, писателей и художниковъ много работа, по ихъ милости удобства жизни растутъ съ каждымъ днемъ, потребности тѣла множатся, между тѣмъ до правды еще далеко, и человекъ попрежнему остается самымъ хилымъ, самымъ нечистоплотнымъ животнымъ, и все клонится къ тому, чтобы человечество въ своемъ большинствѣ вырождалось и утерало навсегда всякую жизнеспособность. При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла, и тѣмъ, что тащитъ его, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на полѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хилцаго, нечистоплотнаго животнаго, поддерживая существующій порядокъ“ и т. д.

Быть-можетъ, чеховскій художникъ черочуръ увлекался маленькими дѣла нужды, но не былъ связанъ съ общими. Нужна и школа, но необходимъ и университетъ, громадное значеніе имѣетъ медицина, но еще большее—устройство социальной жизни людей, которое уничтожало бы причины болѣзней: строить школы и

лишать народъ широкаго развитія, заграждая доступъ его къ настоящему знанію, это значить обречь доросню на такое же состояніе, въ которомъ, по словамъ чеховскаго художника, она и при Рюрике была; лечить и въ то же время порождать болѣзнь, не обращая вниманія на экономическія условія пародной жизни—это та же работа Данзандъ, которая въ результатѣ приводитъ къ пылю трехъ сестеръ, такъ и не вырвавшихся въ „Москву“, задыхавшихся маленькимъ дѣломъ.

Мысль о томъ, что „вѣдь мы сообща, міромъ, искали бы правды и смысла жизни“, никогда не покидала и самого Чехова. Онъ повторяетъ ее съ тѣми или другими измѣненіями во всѣхъ почти своихъ произведеніяхъ. Въ „Дядѣ Ванѣ“ докторъ Астровъ же-
 чаетъ о томъ, что хорошо бы посадить опять густые лѣса, которые могутъ измѣнить климатъ къ лучшему и людямъ слѣдующаго столѣтія будетъ легче жить. О лучшей жизни мечтаетъ и Вершининъ,—жизни черезъ 200—300 лѣтъ. Мечтой о далекомъ будущемъ живетъ и „неизвѣстный человекъ“, и докторъ „Палаты № 6“, слишкомъ ушедшій отъ жизни и потому трагически погибшій, и художникъ въ „Моей жизни“, и цѣлая галлерея дѣйствующихъ лицъ въ произведеніяхъ Чехова.

(Окончаніе будетъ).